

DOI: 10.12731/2218-7405-2015-2-7

УДК 159.923

ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОРЕЧИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Видищев В.В.

Цель – выявить специфические особенности возникновения противоречий при организации волонтерской деятельности.

Методологической основой данной работы является диалектический метод. Также применялись общенаучные методы, такие как системный и сравнительный анализ, наблюдение, сравнение.

В статье описываются и разделяются понятия «волонтерская деятельность» и «волонтерское движение», описываются способы их организации, говорится о способах эффективного менеджмента волонтерства. Понимание волонтерства как особого вида активности в контексте профессиональной идентификации позволяет рассмотреть его как любую иную профессиональную деятельность. Анализ типа субъекта волонтерской деятельности позволяет рассмотреть тип социального статуса, к которой тяготеет волонтер.

В работе рассматриваются представления о характеристиках и видах социального статуса, затем проецируются на личность волонтера. Возникает предположение о «главном статусе» волонтера, выдвигаются позиции о маргинальной природе волонтерства, ведущей мотивационной тенденции волонтера. Описывается противоречие мотивации волонтера и ограничениями организации управления волонтерской деятельностью.

Выявлено основное противоречие – противоречие спонтанно возникающего волонтерского движения и организации волонтерской активности со стороны социальных институтов.

Ключевые слова: *Волонтерская деятельность; волонтерское движение; тип субъекта волонтерской деятельности; маргинализм и «лиминальность»; мотивация волонтера; социальный статус.*

FEATURES OF CONTRADICTIONS ARISING AT ORGANIZATION OF VOLUNTEER ACTIVITY

Vidischev V.V.

The purpose – to identify the specific features of conflicts in the organization of volunteer activities.

The methodological basis of this work is the dialectical method. Also scientific methods were applied, such as systematic and comparative analysis, observation, comparison.

This article describes and separates the concept of «volunteering» and «volunteerism», describes how they are organized, the methods of effective management of volunteerism. Understanding of volunteering as a special type of activity in the context of professional identification allows us to consider it as any other professional activities. Analysis of the subject type of volunteer activity allows us to consider the type of social status, which tends to volunteer.

There is an assumption about the «main status of» volunteer. There is nominated position of the marginal nature of volunteering, leading motivational tendencies volunteer. the contradiction volunteer motivation and constraints management organization of volunteer activities is described.

There was stated a basic contradiction – a contradiction, that arises spontaneously volunteer movement and organization of volunteer activity on the part of social institutions.

Keywords: *Volunteering; volunteerism; type the subject of volunteer activities; marginalism and «liminality»; volunteer motivation; social status.*

Введение

В настоящее время, тема организации волонтерской деятельности является сквозной для многих программ и проектов волонтерского менеджмента, развивающегося сегодня в образовательной среде вузов и охватывающего широкие слои студенческой молодежи [5]. Другими словами, мы видим положительную тенденцию предоставлять возможность управлять и организовывать волонтерскую деятельность самим волонтерам, одновременно, через обучение их этому, переводя стихийно складывающуюся волонтерскую мотивацию в русло целевой мотивации, тесно связанной с профессиональной идентификацией и социальным статусом. Так, во многих «школах волонтеров», в различных PR-проектах обозначены квалификационные «дивиденды» поступающим в эти школы будущим волонтерам. Например, в рамках Университета

и Сообщества (Университет Центрального Ланкашира: Центр Волонтерской и Общественной Деятельности) предлагается: вознаграждения с учетом количества часов волонтерской работы; повышение профессиональной квалификации; одобрение работодателей; создание хорошего резюме [5].

В этом мы видим стремление сохранить смысл волонтерского движения, предоставив возможность самим волонтерам, находящимся внутри волонтерской деятельности, разрабатывать проекты и программы собственного самоуправления и овладевать навыками достижения социально приемлемой идентичности, не в последнюю очередь связанной с профессиональным самоопределением, установками на карьерный рост и развитием лидерских качеств, с пониманием необходимости трудоустройства, включения в предпринимательство и бизнес-среду, мотивацией на референтные группы, связанные с ведущим видом деятельности и корпоративную культуру, с выработкой четкой социальной позиции легитимного государству члена гражданского общества [4]. Современный мир вовлекает человека в огромное количество событий и пространств, которые часто плохо поддаются контролю и носят стихийный характер. Сегодня личность, ограниченная стабильной неопределенностью и изменчивостью современных условий, но имеющая все возможности в реализации того образа жизни, к которому она стремится за счет высокой мобильности и глобализации общественных отношений, утрачивает пассивные способы адаптации и наращивает свою субъектность как важнейшую активную и преобразовательную черту и функцию своей жизнедеятельности.

Отметим, что подавляющее большинство исследовательских программ и проектов, посвященных управлению волонтерством, оперируют понятием «волонтерская деятельность». Между тем, существует и другой термин – «волонтерское движение», и, по всей видимости, их следует различать. Соотношение «волонтерского движения» и «волонтерской деятельности», на мой взгляд, следующее: рождаясь спонтанно, как «волонтерское движение», инициатива отдельных личностей со временем и по определенным причинам приобретает тенденцию к укрупнению состава своих сторонников и к структурированию содержания этой спонтанной формы активности, к переводу ее в форму деятельности, имеющей свой субъект-объектный сценарий, позволяющий рассматривать ее в рамках профессиональной идентификации, достижения социально приемлемого статуса и выработки социально приемлемой позиции волонтеров. «Предметная дифференциация» волонтерства создает условия для введения «управляющей единицы» как необходимого регулятивного фактора волонтерской деятельности, делает организационную политику оправданной.

Методологически, менеджмент волонтерства поставлен на научно-рациональную основу: разработаны принципы организации добровольческой деятельности на некоммерческой основе, организация волонтерской деятельности стремится учитывать личностные особенности добровольца, определены объекты и субъекты, направления, сферы и области добровольческой деятельности, права и обязанности добровольцев.

Современный мир вовлекает человека в огромное количество событий и пространств, которые часто плохо поддаются контролю и носят стихийный характер. Сегодня личность, ограниченная стабильной неопределенностью и изменчивостью современных условий, но имеющая все возможности в реализации того образа жизни, к которому она стремится за счет высокой мобильности и глобализации общественных отношений, утрачивает пассивные способы адаптации и наращивает свою субъектность как важнейшую активную и преобразовательную черту и функцию своей жизнедеятельности.

Понимание волонтерства как особого вида активности, позволяет рассматривать его в контексте профессиональной идентификации, и, следовательно, анализировать волонтерство как деятельность, имеющую как общие с любой профессиональной деятельностью признаки, так и особенности, характерные только для волонтерства.

Рассмотрим эти особенности и определим «тип» субъекта такой деятельности как волонтерство. От понимания «типа» субъекта волонтерской деятельности зависит и организация волонтерской деятельности, прежде всего, ее «управляющая» эффективность. В свою очередь, эффективность организации волонтерской деятельности, умелый менеджмент волонтерства, сформирует условия успешной самореализации личности волонтера, что и станет главным показателем его удовлетворенности не только самой деятельностью, но и ее организацией.

«Удовлетворенность» тесно связана с ценностно-мотивационной сферой личности, является психологическим условием социальной легитимности и требуемой обществом гражданской позиции его членов. Волонтерское движение, состоящее из «глубоко удовлетворенных» его организацией волонтеров, может стать стабилизирующим фактором в условиях социальной неопределенности и, своего рода, противовесом аномическим настроениям, особенно распространенным сегодня в молодежной среде.

Анализ «типа» субъекта волонтерской деятельности не в последнюю очередь связан с выяснением того, к какому типу социального статуса тяготеет «собираемая фигура» волонтера. Известно, что функции, статусы и социальные роли образуют своеобразный стыковочный механизм, благодаря которому поведение человека становится предсказуемым, надежным для общества, а сам он становится носителем его культуры [7].

Люди обладают множеством статусов и принадлежат ко множеству социальных групп, престиж которых в обществе неодинаков. Человек смотрит на мир и относится к другим людям в соответствии со своим статусом [8].

Британский социолог и политолог Барон Энтони Гидденс пишет: «Статус (status) – социальное признание или престиж, которые получает определенная группа индивидов от остальных членов общества. Статусные группы обычно различаются своим стилем жизни – способами поведения, характерными для индивидов данной группы. Статусные привилегии могут быть как позитивными, так и негативными» [1].

Социальный статус есть характеристика социальной позиции в социальной системе взаимодействий. Он имеет внутренне содержательную сторону, диспозиционно-пространственное измерение и внешненоминационную форму.

В социологии любое социально-позиционное название осмысливается в единстве с внутренне содержательными аспектами и получает диспозиционное измерение.

Еще одной характеристикой статуса является статусно-ролевая теория личности, которая описывает социальное поведение личности посредством двух основных понятий: «социальный статус» и «социальная роль». Р. Линтон, считает, что статус является совокупностью прав, привилегий и обязанностей, а роль – действием в рамках этой совокупности.

Кратко виды социальных статусов представлены в литературе следующими классификациями:

- статусы могут быть формализованными или неформализованными;
- статусы могут быть предписанными (аскриптивными) и достигаемыми (приобретенные).

В нынешнем социуме основное значение получают достигаемые статусы, которые не передаются по наследству, а требуют наличия образования, победы над конкурентами. Человек может иметь несколько статусов, но чаще всего только один предопределяет его положение в обществе – **главный статус**. Его определение является трудной задачей, однако именно главный статус определяет и самоопределяет человека социально;

- **должно различать основную, общую иерархию статусов личности**, срабатывающую в большинстве ситуаций в этом социуме, и специфическую, применяющуюся в особых условиях, для особых людей.

Помимо главного статуса можно говорить об **обобщенном статусе (индексе социальной позиции)**, который дает возможность сделать целостную оценку социальной позиции в систе-

ме социальных координат. Он в некоторой степени более комплексно оценивает социальную позицию;

- **можно также анализировать естественный и профессионально-должностной социальные статусы.** Первый предполагает существенные и относительно устойчивые характеристики человека (например, женщина, мужчина, ребёнок, юноша, старик и т.д.).

Профессионально-должностной социальный статус – это базисный статус личности, являющийся для взрослого человека основой приобретённого статуса [6].

Если теперь вышеизложенные представления социологии и политологии о социальном статусе спроецировать на личность волонтера, то можно сделать предположение, что волонтер как субъект волонтерской деятельности, и, прежде всего, как доброволец, мотивирован в большей степени на «**главный статус**», объявляет свою социальную позицию именно в отношении достижения «главного» статуса. При этом для волонтера, на наш взгляд важно, чтобы главный его социальный статус был «заработан» им самим, а не был задан институционально. Главный статус, на наш взгляд, но с точки зрения волонтера, должен быть **достижимым** (приобретаемый самостоятельно). Что это может значить?

1. Возрастные границы индивидуумов, потенциально могущих стать волонтерами, варьируют в диапазоне 20-25 лет (то есть, это, большей частью молодежь). Можно согласиться с характеристикой молодежи этого возраста как «типичных маргиналов» – метафизических аутсайдеров, обреченных социальной ролью «ждать и догонять». «Вступающий в жизнь молодой человек, – пишет Г.П. Тульчинский, – вступает в мир, всюду без него плотный, мир, в котором, как он скоро догадывается, никто его особенно не ждет. В лучшем случае – родители, да и то не всегда. Видя себя «всем», примеряя на себя различные жизненные программы и проекты, молодой человек объективно является «ником». Невозможность состояться «здесь и сейчас» порождает стилистику протеста, отказа, а то и ухода. Знаменитые «немотивированные» самоубийства подростков, преступления, наркомания и токсикомания и другие формы «отклоняющегося» поведения – социальные патологии как следствия метафизики маргинальности молодого человека. Но чаще всего, и в конечном счете срабатывает другое: если этот мир – не мой праздник жизни и меня на нем держат в прихожей, то создам другой мир – по себе, в котором и состоюсь» [11, с. 132-133].

2. Имея в виду современную социальную ситуацию развития в России, сильно нагруженную «неопределенностью» в отношении «смысла жизни», имея в виду эту «размытую социальность», можно понять главную мотивационную тенденцию субъекта, выбирающего волон-

терское движение, будучи молодым. Это – энергичный поиск новой фундаментальной общности, которую еще В. Тернер назвал «*communitas*» [10]. Напомню, что у Тернера речь идет о бесструктурном сообществе, члены которого лишены статусных характеристик, равны и едины в какой-то фундаментальной общности интересов. Очевидно, что спонтанно возникающее волонтерство, вполне может быть аналогичным «*communitas*», и очень важно, чтобы «коммунитарный подъем» не угасал, поскольку его «угасание» грозит превращением волонтерского движения в замкнутые сообщества, секты, формально структурированные группы.

Однако, в волонтерах, кроме стремления к «*communitas*», все же присутствует ориентация на главный статус, о котором мы упоминали выше. Этот момент индивидуализирует волонтерство, поскольку волонтер, как показывают современные опросы-интервью «добровольцев», это, как правило, не нонконформист, не девиантная личность, не суицидальный субъект, но субъект, которому присущи: поиск человеческой, личностной позиции, самоопределения, самосознания – всего того, что связано со смыслообразующей активностью человека, в чем психологи усматривают существо интериоризации и становления человека субъектом бытия.

В таком поиске обнаруживается сущностное качество человека – его «*лиминальность*», связанная с ситуацией поиска Я, поиска идентичности, осуществления акта творчества, ситуацией реализации свободы [11, с. 127]. Термин «лиминальность» понимается в том смысле, в котором его употребляли Арнольд ван Геннеп и Виктор Тернер, исследовавшие лиминальную фазу ритуалов перехода, т.е. ритуалов изменения статуса, возрастного, социального, семейного и т.д. [2]. Ритуалы перехода включают в себя три стадии:

- (1) отделение – выбор и изоляция индивида от некоторой социальной целостности, лишение индивида статусных характеристик, принадлежности к этой целостности;
- (2) собственно переход – период некоего переходного состояния;
- (3) реакгрегация – воссоздание некоей новой целостности [11, с. 79].

Культур-историческое значение лиминальности Г.П. Тульчинский видит в том, что именно лиминальность «реализует экспансию культуры, освоения ею новых пространств и сфер, представая технологией ее саморазвития. В культуру встроена технология самоизменения, и эта технология – лиминальность» [11, с. 129].

Связывая лиминальность со смыслообразованием, Тульчинский подчеркивает, что «условием смыслообразования оказывается разупорядочение старых смысловых структур, их дезинтеграция, хаос. Хаос необходим для того, чтобы система вышла к новому порядку, новому упорядочению, к новой сборке, реакгрегации [3].

Фактически, речь идет о своеобразной маргинализации системы. И волонтер, как феномен и как «тип», возникающий в такой ситуации, не случаен. Подобно «гипнону» (И. Пригожин) он возникает как реакция на неадекватность системы в целом, как эхо этой неадекватности. Именно гипноны-маргиналы, – считает Тульчинский – становятся носителями лиминализации, возрастающей в условиях кризиса. Это своеобразные диссиденты системы, ее многообразные alterego. Диссидентствующие гипноны (в нашем случае, «гипнон» – это метафора волонтера) накапливают критическую массу переосмыслений, ориентированных не социально, а «внутри», в личностный мир, обеспечивая выходы в «контекст бытия» [11, с. 131].

Таким образом, мотивация волонтера «упирается» в поиск оснований личностного бытия. И поиск этот происходит как «переход» (например, из сферы социально регламентированной профессиональной деятельности или социально одобряемого выбора вида постоянной работы к волонтерской деятельности), как живая динамика, как «выброс» на периферию, к границе обыденного сознания. Маргинальность, таким образом, становится центром смыслообразования.

Волонтерское движение, в которое вовлекаются «маргинализованные субъекты», набирающее обороты в последние годы, оказывается «инициирующим импульсом» динамики развития культуры. В этом смысле, волонтерство есть новая субкультура России, обусловленная лиминальностью социальной ситуации развития страны, потенциал которой можно связать с выходом из социальной стагнации к новому самоопределению страны.

Таким образом, волонтер оказывается включенным в «*communitas*», но, при этом, как бы, не нуждается в «руководстве извне», мотивируясь в своей деятельности на собственные поиски личностной идентичности. Поэтому, организация волонтерской деятельности со стороны формализованных государственных институтов – довольно рискованное дело, требующее глубокого понимания тонкостей маргинальной психологии. Становится понятным и возможное противоречие, которое может возникнуть вследствие непродуманной политики государственных структур в отношении спонтанно разворачивающегося волонтерского движения.

Это противоречие можно сформулировать следующим образом: спонтанность мотивации волонтера на бескорыстную помощь (альтруистические «экспектации» от самого себя) может не согласовываться с жестким дисциплинарно-организационным управлением волонтерской деятельностью со стороны административных органов власти, уполномоченных регулировать и контролировать волонтерскую активность.

Чтобы такое противоречие не переросло в прямое сопротивление управлению извне в отношении волонтерского движения, а осталось на уровне естественного диалектического со-

циального взаимодействия социального института и «гражданского общества», позволяющего развиваться обоим, следует, на мой взгляд, внимательнее присмотреться к *особенностям социальной идентификации*, характерной для волонтера как субъекта добровольческой активности.

Теоретическое психологическое изучение специфики волонтерской деятельности может быть помещено в проблемное поле профессиональной идентификации, традиционно являющейся предметом такой области психологического познания как психология труда, конкретно – рассмотрена в контексте структуры профессиогенеза. Однако волонтерское движение не может быть рассмотрено жестко с позиций профессиогенеза и его структуры, несмотря на то, что и в волонтерской деятельности есть субъекты, имеющие довольно большой стаж работы в этой области [9]. Но можно ли жестко рассматривать волонтерство как профессию? Ведь в волонтеры могут идти люди, имеющие, параллельно с волонтерством, свою особую профессиональную нишу, где они трудятся большую часть своего «дневного бодрствования». В то время как волонтерство «выпадает» на их «свободное время», которое принято считать «временем отдыха».

Вместе с тем по словам Е.П. Ермолаевой, в среде волонтеров есть – и их большинство – субъекты, чья субъектная инициативность, волевые импульсы активности полностью реализуются в поле волонтерства, которое, тем не менее, не подкрепляется денежным эквивалентом, не нормировано согласно социальным нормам рабочего времени и не имеет узко специализированных рамок, предполагая уже не только «личностный», но и профессиональный маргинализм, умение быстро набирать опыт, применять знания, умения и навык «быть полезным» в широком диапазоне жизненных, в том числе, бытовых ситуаций.

Таким образом, становится очевидной специфика волонтерства: это, своего рода, сетевой менеджмент на уровне конкретных жизненных обстоятельств и ситуаций, которые не могут быть спланированы заранее, но требуют «быстрого и адекватного реагирования на проблемные ситуации, в которых могут оказаться различные стратифицированные единицы населения. Поэтому, «индекс позиции» волонтера в большей степени, чем у конкретного специалиста или профессионала в определенной нише профессиональной деятельности, определяется способностью к риску, быстротой реагирования на проблемный запрос «реципиента», способностью качественно, своевременно и адекватно разрешить трудную ситуацию, проявить исполнительские качества «здесь и сейчас». Все это и составляет «профессиональные» особенности позиции волонтера и делает его «особым субъектом» особой – волонтерской активности, содержанием которой является поступок.

Знание и понимание этих особенностей и должна учитывать «организационная политика» в отношении волонтерского движения, если она заинтересована в «удовлетворенности» волонтеров своей «организационной работой», будучи вовлеченной в деятельность общественных организаций различной направленности.

«Удовлетворенность» организацией волонтерской деятельности со стороны волонтеров [9, с. 53], в этом случае, будет оставаться неформальным и не формализуемым мотивом их добровольного самоуправления, при том, что организационная структура, «спускаемая сверху», сможет быть регулятивным фактором волонтерства, работающим в режиме гибкого «коучинга», основная задача которого – помогать самим волонтерам оставаться волонтерами – неформальным фактором в формальной структуре общественной деятельности.

В этой связи стоит обратить внимание на замечание Г.П. Тульчинского, которое прямым образом можно отнести к трудностям проведения адекватной организации волонтерской деятельности. Он пишет: «вообще всякие попытки реализации *communitas* как структурированного, институционализованного сообщества (коммуны, религиозные сообщества и т.п.) заканчиваются печально. Поскольку же *communitas* обладает мощным импульсом реализации и экспансии, *communitas* и лиминальность могут содержать опасность соскальзывания к тоталитаризму или шовинизму. Хорошо известный исторический факт – максимизация *communitas* может вести к максимизации структуры. Еще Аристотель видел в диктатуре закономерный и неизбежный итог демократии» [11, с. 134].

Вывод

Таким образом, основное противоречие заключается в противоречии установок и смысла *communitas* и установок на структуризацию *communitas*. Это, можно сказать, противоречие спонтанно возникающего волонтерского движения и организации волонтерской активности со стороны социальных институтов. Грамотно и корректно проводимая (на основе психологических заключений особенностей проявлений социального маргинализма) организационная политика в отношении волонтерского движения может стать именно тем фактором, благодаря которому волонтер добровольно вступает в «социальную должность», гарантируя себе и социуму легитимное, безопасное и эффективное совместное бытие.

Список литературы

1. Гидденс Б.Э. Социология. – М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 156.
2. Геннеп А. ван. Обряды переход: Системное изучение обрядов. – М., 1999.

3. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – М., 1992. С. 29.
4. Методические рекомендации по развитию добровольческой (волонтерской) деятельности. URL: http://sochi.ntf.ru/DswMedia/15_metodichka7shagov_itog.doc (дата обращения: 24.12.2014).
5. Образовательный проект «Мировой опыт организации волонтерской деятельности в учебных заведениях». URL: <http://sochi.ntf.ru/DswMedia/prezentaciya10sentyabryaalimelling.pdf> (дата обращения: 18.01.2015).
6. Общая социология: Учебн. пособие / Под общ. ред. проф. А.Г. Эфендиева. – М.: ИНФРА-М, 2007. 654 с.
7. Панова Е. Я. Социальный статус личности, его виды. 2009. – Ачинск URL: <http://docu.me/d/691859> (дата обращения: 18.01.2015).
8. Платонов Ю.П. Социальные статусы и роли. – СПб.: Элитариум, 2013. С. 130.
9. Романова Г.М., Макарова И.Н., Шашков А.В. Удовлетворенность волонтеров Олимпийских и Паралимпийских игр 2014 г. различными аспектами организации волонтерской деятельности // Известия СГУ. 2014. № 2 (30) С. 50-59.
10. Тернер В. Символ и ритуал. 1983, М. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/T/TERNER_Viktor/_Turner_V..html (дата обращения: 23.01.2015).
11. Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. – СПб.: Алетейя, 2002. С. 677.

References

1. Giddens B.E. Sotsiologiya [Sociology]. 2005. – М.: Editorial USSR, p. 156.
2. A. van Gennep. Obryady perekhod: Sistemnoe izuchenie obryadov [Rites of passage: System study rites]. – М., 1999.
3. Yuri Lotman Kultura i vzryv [Culture and explosion]. – М., 1992. P. 29. Tsit.po: Tulchinsky GP Postchlovecheskaya personologiya [Posthuman anthropology], 130 p.
4. Metodicheskie rekomendatsii po razvitiyu dobrovol'cheskoy (volonterskoy) deyatel'nosti [Guidelines for the development of volunteering work] URL: http://sochi.ntf.ru/DswMedia/15_metodichka7shagov_itog.doc (accessed: 12/24/2014).
5. Obrazovatel'nyy proekt « Mirovoy opyt organizatsii volonterskoy deyatel'nosti v uchebnykh zavedeniyakh» [The educational project «World experience of volunteering in schools.»] URL: <http://sochi.ntf.ru/DswMedia/prezentaciya10sentyabryaalimelling.pdf> (accessed: 01/18/2015).

6. Obshchaya sotsiologiya: Uchebn. posobie [General Sociology: Training. Manual] / Under total. Ed. prof. AG Efendiyeva. 2007. – M.: INFRA-M. 654 p.
7. Panova E.Ya. Sotsial'nyy status lichnosti, ego vidy [Person's social status, its types]. 2009. – Achinsk URL: <http://docus.me/d/691859> (accessed: 18/01/2015).
8. Platonov JP Sotsial'nye statusy i roli [Social status and roles]. 2013. – St. Petersburg: Elitarium. 130 p.
9. Romanov G.M., Makarov I.N., Shashkoff A.V. Udovletvorennost' volonterov Olimpiyskikh i Paralimpiyskikh igr 2014 g. razlichnymi aspektami organizatsii volonterskoy deyatel'nosti [Satisfaction volunteers Olympic and Paralympic Games in 2014 with various aspects of the organization of volunteer activities]. Izvestia SGU. 2014. № 2 (30), pp. 50-59.
10. V. Turner Simvol i ritual [Symbol and ritual] 1983 AM URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/T/TURNER_Viktor/_Turner_V..html (accessed: 23/01/2015).
11. Tulchinsky GL Postchelovecheskaya personologiya. Novye perspektivy svobody i ratsional'nosti [Posthuman personology. New perspectives of freedom and rationality]. 2002. – St. Petersburg: Aletheia, 677.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Видищев Владимир Владимирович, аспирант кафедры общей психологии и социальных коммуникаций

Сочинский государственный университет

ул. Советская, д. 26а, г. Сочи, Краснодарский край, 354000, Российская Федерация

e-mail: psycho.researcher@gmail.com

SPIN-код в SCIENCE INDEX: 1254-8114

DATA ABOUT THE AUTHOR

Vidischev Vladimir Vladimirovich, post-graduate of department of general psychology and social communication

Sochi State University

26a, Sovetskaya street, Sochi, Krasnodar Region, 354000, Russian Federation

e-mail: psycho.researcher@gmail.com

Рецензент:

Магсумов Тимур Альбертович, доцент кафедры истории и методики ее преподавания, кандидат исторических наук, доцент; Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов